

Александр Алексеевич Богданов

Крыга

Александр Алексеевич Богданов

Крыга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4666371

Аннотация

«Никто не слышал, как в избе скрипнула дверь и вошел заиндеветый от мороза Крыга, громадный в своем недубленном коротком полушубке, сгорбившийся от постоянных забот. На обшарпанных кирпичих истопленной кизяками русской печи крепко спали ребятишки, прикрытые ветошью, на полатах, разметав голые руки по доскам, ворочалась и бредила жена Крыги – Авдотья...»

Содержание

I	4
II	7
III	11
IV	15

Александр Алексеевич Богданов

Крыга

(Деревенская сказка)

I

Никто не слышал, как в избе скрипнула дверь и вошел заиндевевший от мороза Крыга, громадный в своем недубленном коротком полушубке, сгорбившийся от постоянных забот. На обшарпанных кирпичах истопленной кизяками русской печи крепко спали ребятишки, прикрытые ветошью, на полатах, разметав голые руки по доскам, ворочалась и бредила жена Крыги – Авдотья.

Вместе с Крыгой ввалился из сеней и заходил по избе морозный кучно-белый пар. Лежавшая около подпечника овца вскочила на тонкие жидкие ноги, встряхнулась худыми втянутыми боками и повернула к Крыге голову, тараша круглые, как бы удивленные глаза.

Крыга неторопливо повесил на гвоздь ватную, обмызганную шапку, оглядел избу, прибавил огня в лампе и сел на скамью. Над устьем широкой закоптевшей печи блестели мед-

ными спинками тараканы. В пазы стен, в щели пола и из промерзших углов тянул холод.

Крыга сидел и думал. Изрытое сетью морщин лицо напряженно двигалось и темнело от мучительных внутренних усилий уяснить и осмыслить все то, что непонятно и тяжело бродило в душе.

Потом Крыга встал, зябко потянулся, достал с полки краюшку хлеба, отрезал ломоть и, круто посолив, съел, запив ковшом воды из деревянной кадки, снял полушубок, бережно сложил на лавке, разулся и сунул в печную продушину холщовые мокрые онучи для просушки.

Овца облизывалась и жевала глину с печи, скреплявшую кирпичи, Крыга ударил ее ладошкой по лохматой спине. Овца качнулась, ткнулась задом в лавку, потом сразу подломила тонкие ноги и легла. А Крыга потушил лампу и полез на полати.

Авдотья перевернулась на бок, открыла глаза и спросила:
– Ты, Антдаушка?

Укладываясь рядом с женой на скрипучих досках, Крыга неприветливо ответил:

– Кожу же, кроме меня, быть?

Двоим на полатях было тесно. Крыга уперся острым локтем в Авдотью и сказал:

– Двинься-ка...

Авдотья заворчала:

– Куда те двинусь... Сте-е-нка.

Крыга легько и незлобиво ткнул ее под бок.
– Двинься, што ль... Коло-ода!..

II

Крыга ее мог уснуть и ворочался на полотах. Мутные мысли неотвязчиво поднимались со дна души и беспокоили.

Мышь осторожно и трусливо грызла где-то под столом половицу, снежная поземка царапалась в стены и металась со стоном оклсо трубы. Крыга вздохнул и повторзиил вслух.

– А-их, боже мой! Што же теперь делать-то... а?..

В насторожившейся тишине внятно и жутко был слышен каждый шорох.

Ребятишки дышали громко и часто, по-детски. Крыга прикрывал глаза опухшими от простуды и мороза веками. Но не спалось, и он поднимая голову, прощупывал беспокойным взглядом слепую темноту и вскрикивал:

– А-жих, господи милостивый. Ну и жизнь, – притка ее задави!

Было за полночь, когда он разбудил жену:

– Авдотья. Проснись-ка...

Авдотья подняла голову и сонно протянула:

– М-м-м...

– Авдотья... Послушай-кась, – заговорил Крыга, прислушиваясь к собственному голосу, чужому и до неузнаваемости странному.

– И чего тут будем делать, Авдотья... а?.. Петлю теперь надевать, больше ничего.

– Ты што, Антипушка? – испуганно спросила Авдотья.

Крыга хрустнул костями рук и сказал:

– Даве в волости которых недоимошных мужиков к ответу тягали... Старшина с писарем сказывали, будто распоряжение из губернии вышло, у кого там корова, али лошадь, али што такое – все в недоимку зачислять...

– Как же это, Антипушка? – тревожно сказала Авдотья. – А на селе баяли, будто милость народу выйdet...

– Кто баял, – сердито сказал Крыга. – Сороки хвостом на-трещали...

Оба замолкли... Крыга поворочался, опять похрустел сухими костями и продолжал:

– Член из губернии приезжал, обо всем допытывался и в листочки писал... «Какая, баёт, изба?» – «Изба, мол, как изба... с овцами вместе...» – «Из чего сложена?..» – «Из саманных, говорю, кирпичей...» – «Крыта чем?» – «Известно, баю, чем... Нашу деревню скрозь пройти, окромя соломы да глины, ничего не найдешь...» – «Сколько аршин?» – «Да леший ее мерил... Мы на сажни мерим». И начал он это меня, как лошадь на корде, гонять... «Сколько хлебов засеваешь?» Загнул я пальцы на руке, считаю. На Васьковом поле – пять сажень, у Бурундиных – три, душевой – осьминник, да яровых в двух полях, – всего, почитай, полторы тридцатки выходит. А есть чего? «Гречиху, мол, не сею – не родится, мгла снедает... Рожь сею, – кое до семян своим хлебом управляешься, а кое – не хватает, занимаем семена... Овса с просом

не каждый год подсеваем». – «Скота много?» Как помянул он про скот, ну, думаю, крышка... «Нет, баю, у меня скота». – «Корова есть?..» – «Нет!» – «Лошадь есть?» – «Нет!» А Памфил Шигаренок, Писарев помощник, за столом карандашиком вертит, смеется: «Врет он, бает, ваше б-бродь! У него лошадь есть!» Обернулся я к нему: «Какая, говорю, лошадь?» – «Какая, говорит, сивая, с лысиной!» – «Са-ам ты, говорю, сивый! Мы Лысуху к Миколе продать хотим. Почитай, што нет». – «Овцы есть?» – «Есть, баю, одна. К Миколе резать будем. Почитай, што нет». – «Куры есть?» – «Кто их считал, кур? Куры – бабье дело. Почитай, што нет!» – «Утки, гуси?» – «Негде, баю, у нас уток с гусями водить. Прудов нет. Почитай, што нет». – «Посторонними заработками занимаешься?» – «Какие, баю, заработки? В прошлом году всю зиму урядников со стражниками на мирских подводах даром возили, – бузуковы дети, – суматохи с ними не оберешься... Почитай, што нет!» Поднял голову член, – сердится. «Ты, говорит, не ври. У меня, слышь ты, каждому твоему слову проверка будет...» Осерчал и я, брыкнул тоже в него... «Што же мне поверка, говорю, ваше б-бродь. Кругом одно утеснение, мы, чай, тоже живые люди. Душа, тело пить-есть хотят... А коли разорять дотла станете, то на свою погибель».

Авдотья вздохнула.

– Не было бы чего, Антипушка!

– За что!

– А за слова эти.

Крыга приподнялся на локтях, выгнул вперед голову в черной густоте ночи и глухим, сдавленным голосом враждебно сказал:

– А чего быть... Маешься, маешься, – бузуковы дети, – света божьего не видишь... Все одно – помирать...

И острая, накопленная годами злоба плотно сгустилась вокруг него и наполнила душу.

III

Видит Крыга сон. Нагрянули к нему в избу гости: губернский член в мундире с золотыми тесемочками на вороте, а с членом старшина Корней в суконной поддевке, с большой серебряной медалью, которую из столицы привез, староста и понятия, – все, как полагается быть... Посмотрел член в углы, понюхал воздух, поморщился, взял «сажню» и давай стены мерить. Три сажени в длину, две поперек и одну вверх намерил. Вынул из кармана член книжку, записал в ней меру и говорит:

– Довольно ты казенным воздухом пользовался! Теперь за каждую сажень по новому закону, сколько по раскладке полагается, платить надо.

Заспорил Крыга:

– Ваше б-бродь!.. Воздух вольный!..

– Не вольный, а казенный! Молчать! Казенным воздухом, каналья, дышишь!

Вздумал Крыга пуститься на хитрость.

– Ваше б-бродь... Сажня сажню рознь бывает... Вишь, у вас сажня махонькая... Кабы ежели по-настоящему – тут и двух сажией нет.

Рассердился член, замахал сажней над самой головой Крыги, и Крыга замолк.

Пошел член в сени, увидел, что на салазках петух сидит,

и закричал:

– Дармоеды, лежебоки!.. Как же ты говоришь, что кур нет?

Крыга засуетился и забормотал:

– Какая же петух живность? Петух, ваше б-бродь, не курица. Вы в волостной про кур давеча спрашивали. А петух – вещь плевая, больше для показу времени держим!

Ничего не хочет член слушать и приказывает Корнею:

– Ну-ка, старшина, шугни за салазками.

Шугнул старшина за салазками и заклохтали куры... Стали понятые их ловить да вязать... Авдотья в сенях, просто-волосая и босая, заголосила, руками лицо закрывает... А Крыга, видя, что кругом такая суета, улучил минуту и свою девчонку на двор шлет:

– Беги, гони лошадь на гумно!..

Вышел член за дверь, видит – лошади нет.

– Где Лысуха?

– Продали...

– Как продали? Давеча сюда шел, своими глазами лошадь видел.

– Давеча и продали.

– Ну, подавай деньги сюда. Сколько за тобой недоимок?

– Шестьдесят семь рублей двадцать восемь копеек.

– Деньги где?

– Денег нетути...

– Куда девал?

Пришлось Крыге опять хитрить:

– Нетути денег... Лавочник за долги лошадь свел.

Связали понятые овцу, выволокли из избы и на дровни положили, а Крыга с членом в избу воротились. Видит Крыга – вынул член из кармана пузырек... Тычет пузырьком направо и налево...

– В этом пузырьке черная немочь запрятана... Ежели ты препятствовать будешь, – на всю твою избу немочи напущу.

Попятились Корней со старостой к порогу, и нашла на Крыгу храбрость. «О-го! – думает он. – Только бы понятые ушли. Одного члена я обработаю...» Распалился Крыга, встал посреди избы, растопырил руки и закричал:

– Пущай свою болезнь!.. Только я ни овцы, ни кур, ни лошади не дам.

– Ка-ак?

– Не дам, – вот и весь сказ... Теперьча мне што от немочи помереть, што в разорении маяться – все едино...

Выбежали Корней со старостой из избы, а Крыга вплотную на члена наступил... И все, что перетерпел он за свою долгую жизнь мужицкую, что передумал в осенние и зимние ночи, припоминать и выкладывать стал...

Вспомнил, как еще мальчишкой в поле телят пас... Хорошо кругом было. Ромашки по всему полю желтыми огоньками рассыпались, медовым цветом от ржей тянуло, и перепела в овсах пересвистывались... Сделал Крыга тростниковую дудку и стал наигрывать на ней, перепелов подманивать... А тут, откуда ни возьмись, барские собаки с псарни сорвались,

набросились на него... Загрызли бы насмерть, кабы пастухи не отбили. Напугали его сильно, икры покусали и на всю жизнь знак на ногах оставили...

Вспомнил, как в школу он бегал, азы по складам разбирал – радовался... Да коротка его ребячья радость была... Угнали старших братьев на войну, – одного действительного, другого запасного, осталось только двое работников в семье, и взяли Крыгу из школы, по хозяйству помогать... А потом письмо пришло, – убили большака турки, а через два года и средний брат домой на одной ноге с березовой клюшкой вернулся...

Вспомнил, как женился и детей своих он растил. Думал, подрастут сыновья, помощниками отцу будут... А тут голодный год случился, а после голодного года холера пришла...

Сразу двух сынов он лишился, и средний брат, калека солдат, в тот же год помер...

Вспоминал, как старшина с писарем за лишнее слово в холодную его посадили, как нарезки земли всем миром они ждали и приговор, куда надо, писали, а вместо того нагнали в село стражников в черных бурках, и те стражники девок и баб обижали и холсты у него из сундука украли...

И многое другое вспомнил он и все члену выкладывал...

IV

Крыга проснулся... Он даже пожалел, что проснулся на таком интересном месте.

– Э-эх! – сказал он громко, вспоминая с удовольствием свой сон. – Как бы я этого члена обработал!

Авдотья не спала и спросила:

– Кого обработал?

Крыга рассказал сон.

Авдотья задумалась и вздохнула.

– Боюсь я, Антипушка... Не к добру твой сон...

Крыга сильно и уверенно потянулся. Из маленького и незаметного он стал вдруг большим и заметным, – непохожим на прежнего. В крови бурлило что-то новое, радостное, пришедшее к нему во время сна и теперь не покидавшее его...

Значительно и весело Крыга сказал:

– А этого члена я ло-овко обработал!

1900–1912